

В лесной чаще с треском лопались сухие ветви, пожираемые костром.

До ушей доносился невнятный, гортанный говор чужеземцев. Ли Мэн сидел со связанными за спиной руками, а верёвка, захлестнутая петлёй на его шее, другим концом крепилась к лошадиному поводу.

Голова его клонилась всё ниже, пока он не ткнулся лицом в жёсткую, холодную гриву. Ли Мэн тут же отпрянул, отплёвываясь от попавших в рот волосков.

В воздухе поплыл густой аромат варёной пшеницы. Повернув затёкшую шею, юноша с трудом огляделся.

Над огнём исходил паром котелок. Один из подручных предводителя крошил в похлёбку сухие лепёшки и бросал вяленое мясо, то и дело помешивая варево длинной ложкой.

Запах становился всё слаще, немилосердно дразня пустой желудок. Мужчина со змеиным посохом, словно уловив этот голодный взгляд, поднял голову. Он помедлил, а затем, зачерпнув миску горячей каши, неторопливо подошёл к коню.

«Вот он, шанс проявить гордость и умереть, но не сдаться», — подумал Ли Мэн, но предательский желудок в этот момент громко и выразительно заурчал.

Мужчина со змеиным посохом едва заметно усмехнулся.

— Тебя ведь зовут Ли Мэн, верно? — спросил он на ломаном наречии.

Ли Мэн отвернулся, всем видом показывая, что не желает снисходить до ответа.

Чужак приподнял миску повыше, давая аромату долететь до носа пленника. После короткой внутренней борьбы юноша нахмурился:

— Хорошо. Но на каждый твой вопрос ты ответишь на мой. Мой учитель всё равно меня вытащит, так что вас я не боюсь.

Предводитель снисходительно улыбнулся. Он коротко бросил своим людям, чтобы те сняли пленника с привязи.

Ли Мэна усадили у костра. По бокам тут же выросли двое молчаливых стражей. Главарь сел напротив, водрузив миску с похлёбкой на плоский камень между ними.

— Спрашивай, — буркнул Ли Мэн, растирая затекшие запястья. Его держали связанным без

малого два часа.

— Твой учитель... Насколько он силен? — спросил Анбала.

Этот вопрос сразу поставил Ли Мэна в тупик. Напускать туману и бахвалиться — дело хорошее, но перегнёшь палку — и эти дикари станут вдвое осторожнее.

— Да так, — небрежно бросил он. — Ничего особенного.

— Мы слышали, в Великой Цинь он грозный убийца. И при этом посредственность? — прищурился собеседник.

Ли Мэн напустил на себя таинственный вид и принялся бессовестно врать:

— Громкое имя — всегда лишь плод людских заблуждений. В Цзянху все ошибаются на его счёт. Мечом он машет средне, зато в ядах ему равных нет. Травит так, что и глазом моргнуть не успеете. Так что на вашем месте я бы поостерёгся пить воду из здешних источников и совать в рот что попало.

Анбала затревожился. Он резко прикрикнул на подчинённого, который уже подносил ложку к рту, и украдкой покосился в сторону привязанных лошадей.

— К тому же учитель всегда говорил, — вкрадчиво добавил Ли Мэн, — что у всего живого свои слабости. Самая ядовитая змея может без вреда глотать собственный яд. Есть отравы, которая убивает человека на месте, но для зверя безвредна как вода. Если бы мой учитель пользовался обычными ядами, он бы не добился такой славы.

На этом юноша замолчал, предоставив собеседнику додумать остальное. И Анбала действительно крепко задумался. «Значит, Чжао Лои слаб в открытом бою, но смертоносен в искусстве отравления...» Если такой человек сумел нагнать ужас на всё здешнее отребье, то его коварство не знает границ. Просто обыватели не понимали, как именно гибли его жертвы.

— Теперь моя очередь спрашивать, — Ли Мэн потянулся к похлёбке.

— Ты ответил честно, а мы, наньмэйцы, держим слово. Сначала набей брюхо, — с улыбкой прервал его Анбала.

Ли Мэн мысленно закатил глаза. Было ясно как день: этот хитрый лис поверил его рассказам и теперь решил использовать пленника как пробующего еду раба. Ну что ж, зато голодным не останется. Теперь перед каждой трапезой его будут кормить первым.

Прихлёбывая тёплую кашу, Ли Мэн предавался невесёлым думам.

Что, если Чжао Лои вообще не станет его искать? Они ведь даже толком не скрепили договор ученичества. К тому же тот тяжело ранен — перед мысленным взором юноши снова возникли две глубокие, сочащиеся кровью раны на левом боку мужчины. Да и откуда жрецу знать, куда увели пленника? Ли Мэн даже знака никакого оставить не успел.

— Поговори со мной. Просто беседа, без расспросов, — Анбала попытался изобразить дружелюбие, но синеватые змеиные узоры, покрывавшие половину его лица, делали эту улыбку жуткой. — Меня зовут Анбала.

Ли Мэн не сводил с него настороженного взгляда. Жрец указал на татуировку, слегка качнув Золотым посохом с девятью головами змей:

— Наш народ почитает змей. Мы не разбойники и не желаем вам зла. Старейшины прислали нас вернуть одного человека.

Ли Мэн недоверчиво сощурился:

— Вы хотите убить моего учителя?

Анбала сначала опешил, а затем покатился со смеху. Его зычный голос эхом разнёсся по лесной чаще, так что у юноши заложило уши.

— Убить Чжао Лои? — отсмеявшись, переспросил он. — Твой учитель — сын нашей Божественной девы. Мы должны забрать его на родину и провозгласить Великим жрецом.

Ли Мэн попытался представить Чжао Лои, обвешанного змеями, в расшитом чешуёй ритуальном одеянии и с благообразным лицом вещающего священные истины. От этой нелепой картины он поперхнулся и закашлялся.

— Если так, то почему ваши люди напали на него и ранили?

Анбала искренне опечалился:

— Он привязался к Великой Цинь, а к собственному народу глух. Стоило моим воинам показаться на глаза, как он сразу пустил в ход клинки.

— Ну, характер у моего учителя и впрямь не сахар, — пробормотал Ли Мэн. — Вспыльчив, да и сдержанностью не отличается.

Анбала яростно закивал, словно нашёл родную душу:

— Вот именно! Он даже слова мне сказать не дал — перекалечил половину отряда.

— Насмерть? — упавшим голосом спросил юноша.

— Нет, хвала змеиному богу. Но они теперь и через две недели с постели не поднимутся, не то что служить мне.

Ли Мэн облегчённо перевёл дух. Чжао Лои действительно пощадил нападавших, ограничившись лишь тем, что вывел их из строя. Однако подозрения не оставляли его.

— Ваши люди тоже не особо церемонились, когда били, — заметил он.

— Пустяки, обычные порезы. Много крови, временная слабость, но ничего смертельного, — отмахнулся Анбала. — Раненого жреца проще везти.

Ли Мэн промолчал, уткнувшись в миску.

— Ты мне не веришь, — нахмурился Анбала, заметив его угрюмый вид.

Юноша лишь неопределённо пожал плечами.

Небо на востоке начало светлеть. Раздосадованный недоверием пленника, Анбала потерял всякое желание продолжать разговор. Больше всего его заботило, не выкинет ли Чжао Лои очередную безумную штуку, чтобы отбить мальчишку.

Наевшись досыта, Ли Мэн почувствовал, что в животе предательски булькает. Напуганные сказками о ядах чужаки заставляли его делать глоток из каждого бурдюка, прежде чем пить самим. В итоге по дороге его немилосердно приспичило.

От долгой тряски в седле внутренняя сторона бёдер горела огнём. Вдобавок невыносимо хотелось облегчиться. Ли Мэн едва сдерживал стоны.

— Эгх, мне поссать надо, — хмуро заявил он, когда Анбала в очередной раз протянул ему бамбуковую трубку с водой.

Он твердил об этом последний час, и Анбала понимал: если не уступить, парень намочит седло.

— Сначала отхлебни, потом пушу, — проворчал жрец.

— Сначала пусти, потом выпью, — упёрся Ли Мэн.

— Клянусь великим змеем, мы, наньмэйцы, никогда не лжём! — вскипел Анбала.

— Не пустишь — пить не буду, — отрезал юноша.

Они уставились друг на друга. Мучимый жаждой Анбала, который за всё утро не сделал ни глотка, в конце концов сдался. Он перевязал руки пленника сзади наперёд и повёл его в заросли.

— Иди впереди, — скомандовал он.

Зная, что мальчишка слаб в боевых искусствах, Анбала не боялся побега. Уверенный в собственных силах, он углубился в чащу на десяток шагов.

— Ещё дальше давай, — заворчал Ли Мэн.

— Куда ещё дальше? — нахмурился жрец.

— Услышат же, — скривился юноша, изображая крайнее смущение.

Первые лучи утреннего солнца пробились сквозь листву, окрасив покрасневшее лицо Ли Мэна в тёплые тона. Путешествовал он не так давно, кожа на щеках слегка потемнела от загара, но шея оставалась белой и нежной, а тёмные пряди волос живописно обрамляли её изгиб.

Жрец невольно сглотнул слюну.

Ли Мэн удивлённо покосился на него.

Анбала поспешно увёл его ещё дальше, под густую тень вековых крон. Где-то неподалёку тихо журчал ручей.

— Сюда иди, тут ветки гуще. Не хватало ещё, чтобы какая-нибудь гусеница за шиворот свалилась, — пробормотал Ли Мэн.

Солнечные зайчики плясали на его коже. В этом мягком утреннем сиянии юноша, застывший на грани между отрочеством и возмужанием, казался необычайно хрупким и изящным — куда нежнее наньмэйских дев, чьи лица иссушило палящее южное солнце.

— Отвернись, я сейчас, — Ли Мэн скованными руками попытался распустить пояс штанов.

Чтобы разогнать неловкую тишину, Анбала заговорил, глядя на пролетающих над водой птиц:

— У нас в Наньмэй есть река Мэйшуй. Она куда шире этой. Когда вода падает с утёсов, грохот стоит такой, что земля дрожит. Красота неопиcуемая.

Ли Мэн, озираясь по сторонам, хмыкнул:

— О, да ты никак образными выражениями заговорил? Растёшь над собой.

Анбала расплылся в улыбке и шагнул вперёд. Верёвка, связывающая их руки, натянулась.

— Эй, не поворачивайся! Сказал же, подглядывать не надо, а то не смогу, — буркнул юноша.

Жрец торопливо пообещал не смотреть. Что-то в его поведении изменилось — он стал на удивление покладистым. Ли Мэн отметил это про себя, прикидывая шансы на побег, но место было неподходящим. Натянув штаны, он крикнул:

— Всё, готово.

На обратном пути Анбала шёл на удивление быстро, то и дело дёргая за верёвку так, что Ли Мэн едва не спотыкался. Сам жрец, привыкший к седлу, ковылял вразвалочку.

Вдруг Ли Мэн зацепился за корягу и полетел вперёд. Анбала мог бы легко удержать его или отступить, но его взгляд приковал румянец на губах юноши, напоминавших спелые ягоды с наньмэйских склонов. Вместо того чтобы помочь, он рванулся навстречу.

«Твою ж мать!» — пронеслось в голове Ли Мэна. Лишённый возможности опереться на связанные руки, он уже приготовился пропахать носом землю, как вдруг чьи-то крепкие пальцы обхватили его за талию, а путы на запястьях лопнули с тихим треском.

Анбала не успел ничего понять, как острая, жгучая боль пронзила его левое бедро. В ногу по самую рукоять вонзился короткий клинок. Вторая кинжальная сталь со свистом пронеслась мимо лица — жрец едва успел уклониться, отпрянув назад.

Нападавший двигался с невероятной скоростью, словно горный лемур. Схватив Ли Мэна, он взлетел по стволу дерева, ухватился за свисающую лозу и в несколько прыжков растворился в кронах. Ошарашенный Анбала взвыл от боли, зажимая сочащуюся рану. Опустив взгляд, он заметил на коре дерева свежие тёмно-красные капли. Слизнув их с пальца, он нахмурился — это была кровь Чжао Лои.

Припадая на раненую ногу, Анбала поспешил обратно к костру. Подняв отряд, он велел идти по кровавому следу.

По пути Ли Мэн несколько раз едва не соскользнул со спины учителя. Ему пришлось мёртвой хваткой вцепиться в шею Чжао Лои. Сначала тот придерживал его, но израненные ладони оставляли багровые разводы на одежде юноши.

— Держись крепче, — хрипло выдохнул Чжао Лои.

Ли Мэн прижался к его спине всем телом. Чжао Лои освободил руки и, цепляясь за ветви, побежал ещё быстрее. Они пробирались сквозь чащу почти полчаса, пока деревья не расступились, открывая вид на широкий тракт.

У обочины стоял каменный столб, на котором алели два глубоко высеченных иероглифа:

Циян

Чжао Лои бережно опустил ученика на землю.

Ноги Ли Мэна подкашивались от усталости, в нос бил стойкий запах крови. Левая рука Чжао Лои была сплошь багровой, а губы покрылись сухими трещинами. Мужчина прижал пальцы к губам и издал протяжный, пронзительный свист. Через минуту из-за поворота донёлся стук копыт.

— Садись, — коротко бросил он.

Ли Мэн узнал вороного — это был конь из поместья Хо Ляньюня. Он был один. Юноша бросил взгляд на бледного учителя, который хмуро озирался по сторонам, прислушиваясь к каждому шороху леса.

Стоило Ли Мэну вскочить в седло, как Чжао Лои легко запрыгнул сзади. Его окровавленные пальцы перехватили поводья, и он пустил коня в галоп.

Окружённый кольцом его рук, Ли Мэн чувствовал себя неловко. Он постоянно оглядывался, но за спиной был лишь свист ветра да горячее дыхание раненого наставника, от которого исходил едва уловимый запах железа. Они мчались без остановки. К полудню впереди показались городские ворота. Найдя неприметный постоялый двор, они решили переждать жару.

Чжао Лои велел ученику позаботиться о коне. Когда Ли Мэн поднялся в комнату, учитель стоял у окна спиной к нему. На его тренированных, литых мышцах злое выделялся длинный, безобразный шрам. Натянув чистое тёмное одеяние, Чжао Лои не оборачиваясь произнёс:

— Спустись вниз. Закажи две миски лапши янчунь, поедем здесь.

Ли Мэн молча кивнул. Возле окна на деревянной подставке стоял медный таз, вода в котором окрасилась в зловещий розовый цвет.

— Пусть бросят туда по яйцу, — добавил Чжао Лои, когда юноша уже взялся за дверную ручку.

На кухне Ли Мэн терпеливо дождался, пока повар приготовит заказ, и сам отнёс дымящиеся миски наверх.

Чжао Лои сидел за столом, крепко прижимая ладонь к левому боку. Заметив вошедшего, он молча протянул ему палочки, подцепил из своей миски варёное яйцо и переложил ученику. Сам он управился с едой за пару мгновений — шумно втянул лапшу и в несколько глотков осушил миску до дна.

Ли Мэн к тому времени не успел доесть даже первое яйцо.

— Ешь спокойно, не торопись, — негромко проговорил Чжао Лои. Он поднялся, взял таз с грязной водой и вылил её под корень разросшегося в углу дерева счастья. Пышная тёмно-зелёная листва зашелестела.

Закончив с едой, Ли Мэн по указанию учителя переоделся в сухое платье.

Когда они вышли в коридор, Чжао Лои уже ждал его, прислонившись к перилам и лениво разглядывая спящих внизу постояльцев. Руку с раненого бока он убрал.

— Идём, — позвал он.

Днём они отсыпались, а с наступлением сумерек снова тронулись в путь. К утру перед ними выросли очертания нового города. И снова это был весёлый квартал. Ли Мэн поднял глаза на пышную золочёную вывеску, и у него мелко задёргалось веко.

Хозяйка заведения, едва завидев Чжао Лои, не стала задавать лишних вопросов и лишь сделала знак служанке проводить гостей в дальний двор.

По дороге Ли Мэн невольно вспомнил надушенную, яркую Синь-нян, и его пальцы сами собой сжались в кулаки. Служанка вела их по извилистым коридорам, пока шум голосов, девичьего смеха и плеска воды из передних комнат окончательно не затих. Здесь, на задворках, царила сонная тишина.

Девушка остановилась перед узорчатой дверью и бесшумно распахнула её.

— Сюда, прошу вас, — склонила она голову.

Чжао Лои едва заметно кивнул:

— Благодарю.

Ли Мэн услышал, как учитель договаривается остаться здесь до завтрашнего вечера. Очевидно, у него тут были важные дела или назначена встреча.

Комната оказалась на удивление строгой и изысканной. Никаких кричащих шелков и приторных благовоний — лишь скромная мебель из тёмного дерева, изящный гуцинь на столике да тонкий, чистый аромат курильницы.

Оглядевшись и убедившись, что в помещении никого нет, Ли Мэн облегчённо выдохнул и повернулся к наставнику:

— Учитель, ты что, скупил все бордели в поднебесной? Такое чувство, будто тебя в каждом кабаке каждая сводня в лицо знает...

Договорить он не успел. Из-за бамбуковой ширмы донёсся глухой стук. Ли Мэн бросился туда и обомлел: Чжао Лои лежал на низком диване, судорожно зажав рукой раненый бок. Его лицо было бледнее золотой фольги, а веки безжизненно сомкнулись. Он был без сознания.

<http://bllate.org/book/18266/1759641>